

Шишкина 8550 р., не выполнил свои обязательства и не вернул деньги. На протяжении многих лет Сергей Алексеевич пытался добиться освобождения его от ответственности по делу о «неисправной поставке», оправдываясь тем, что «преследовал только выгоды казны». Дело, пройдя через многочисленные инстанции, 3 января 1825 г. рассматривалось на заседании Комитета министров, но прошение Шишкина об освобождении от «взыскания» было отклонено [2].

Остаток жизни Сергей Алексеевич провел в своих деревнях в Тверской губернии, где был избран предводителем дворянства. Здесь же в июле 1809 г. он женился на вдове Т. А. Гедеоновой. Похоронен С. А. Шишкин в Москве, в Даниловом монастыре [3, с. 358].

Воспоминания С. А. Шишкина интересный памятник мемуарной литературы, раскрывающий образ жизни, ментальность русского дворянства и освещающий малоисследованный период в истории Витебска.

1. Добрынин, Г. И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, (пожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752–1823 / Г. И. Добрынин ; [предисл.: М. Семевский]. – [2-е изд.]. – СПб. : печатня В. И. Головина, 1872. – X, 380 с.
2. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 368. Л. 795–797; Д. 413. Л. 72–79 об.
3. [Сайтов, В. И.] Московский некрополь : Т. 1–3 / [В.И. Сайтов и Б.Л. Модзалевский] ; [Авт. предисл. и изд. вел. кн. Николай Михайлович]. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1907–1908. – Т. 3: (Р – О). – 1908. – [2], 432 с.

Посунько О.Н.

СУДЕБНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – НАЧАЛА XIX В.: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДВОРЯНСТВА ЮЖНОЙ УКРАИНЫ

Изучение материалов судебных учреждений в рамках различных исторических направлений не ново. Не является исключением и история повседневности [9, с. 35], особенно для предлагаемого периода – последней четверти XVIII – начала XIX вв., поскольку еще не так широко распространены (а главное – сохранены для изучения) источники личного происхождения и другие материалы (например, фото), позволяющие более подробно охарактеризовать время, обыденную жизнь человека и, самое главное, его чувства и переживания по этому поводу.

Некоторые исследователи считают, что история повседневности в первую очередь направлена на простого «маленького человека» [12, с. 179, 180]. Дворянский же «быт и нравы» имеют достаточно неплохую историографическую традицию, что иногда создает иллюзию «заполненности» темы. Но в данном случае есть все основания, обуславливающие все же интерес к повседневности дворянства. Во-первых, региональный фактор. В Южной Украине, которая активно включалась во имперские планы (начиная с глобальных внешнеполитических инициатив типа «Греческого проекта» и заканчивая приглашением иностранцев-переселенцев), переживала бесконечные административно-территориальные трансформации и социальные изменения, фактически только формировалась своя региональная элита. Она состояла из российских военных и гражданских чиновников, представителей украинской казаческой старшины (запорожской и левобережной), помещиков иностранного происхождения [11, с. 10]. Эта корпорация была очень неоднородна и по материальному достатку, и по уровню образования, и по наличию/отсутствию устоявшихся традиций организации жизни в поместье. Поэтому собрания родовых документов, семейные библиотеки были чаще исключением, нежели правилом. Помещичья/дворянская бытовая культура пребывала в стадии формирования, часто из-за подражания другим образцам и традициям. Все это и обуславливают интерес к теме.

Дополнительную актуальность придает источниковый фактор. Поскольку в регионе произошли массовые потери архивных источников указанного периода, каждое собрание документов, позволяющее проанализировать хоть какие-то стороны жизни дворянства края, имеет большое значение. В данной статье непосредственно использованы материалы Екатеринбургских совестного и верхнего земского судов, а общее представление и выводы автора основываются на анализе обширного комплекса документов судебных инстанций разного уровня, отложившихся в различных архивохранилищах.

Замечу, что в определении «Южная Украина» придерживаюсь подхода, подразумевающего в основном территорию Екатеринославской и Херсонской губерний образца 1806 г. Иногда уместными представляются примеры отдельных уездов Левобережной Украины (бывшей Гетманщины), входивших в состав Екатеринославского наместничества (1784 – 1796), позже Новороссийской губернии (1796 – 1802).

Когда речь идет о документах судебной практики, более привычным является использование их для изучения девиаций, экстраординарных явлений, которые нарушали *привычную обыденность*. Но судебные материалы имеют огромный потенциал для характеристики бытовой стороны жизни общества, рутинной и единообразной. К тому же часто они дают представление о настроениях, эмоциях, отношении участников процесса к тем или иным явлениям их жизни. Нам представляется возможным выделить такие виды документов:

- реестры имущества: позволяют судить об уровне жизни конкретного человека, семьи; дают представление о ценности (в том числе и духовной) определенных предметов;
- прошения на высочайшее имя, где излагались основные перипетии личных жизненных ситуаций, так или иначе высказывалось отношение к ним;
- журналы заседаний различных учреждений, в которых либо судились, либо заседали дворяне: кроме содержательной части о сути рассматриваемых вопросов, вырисовывается определенный график и ритм жизни (повседневность как рабочий день, по Н. Элиасу) [13, с. 5].

Рамки данной статьи не позволяют дать исчерпывающую характеристику этим источникам, поэтому обращу внимание лишь на некоторые их информационные возможности. Одними из интересных, напрямую «рисующих» быт, представляются имущественные реестры, которые в разных обстоятельствах возникали в судебном производстве. Наиболее частыми являются наследственный раздел имущества, различные претензии друг к другу внутри семьи. Если проанализировать документы уездных земских судов, гражданских палат (Екатеринославского, Вознесенского наместничеств), департамента по гражданским делам Новороссийской палаты суда и расправы (которые как раз и предназначались для дворянских споров такого типа), то можно сделать вывод, что многолетние тяжбы по поводу взаимных земельных претензий, недвижимого имущества были неотъемлемой частью жизни помещиков края. Таким образом, судебная тяжба как исключительное событие, превращалась если не в рутинное (что исследователи считают одним из признаков повседневности), то, по крайней мере, в обыденное явление.

Также это могли быть реестры имущества, взятого в опеку или описанного за долги (в этом случае оно еще и оценивалось). Такие документы назывались «регистр», «опись искупленным вещам», «ведомость сколько чего... состояло по описи», «раздельная ведомость», «опись имений» [3, л. 52; 4, л. 2; 6, л. 5; 7, л. 46]. Они позволяют не только судить об уровне жизни конкретной семьи, человека, но и дают представление о ценности определенных вещей, об отношении к ним, распространенности тех или иных явлений.

Проанализированные нами описи характеризуют дворянина данного региона в первую очередь как помещика. Очень пристальное внимание к учету земли, хозяйственных построек, инвентаря; детальные характеристики качества скота присутствуют фактически во всех документах такого типа. Если же речь шла о приданом, реестре наследства, то отдельной группой прописывались драгоценности, посуда (с указанием материала, из которого она изготовлена), ткани и верхняя одежда. Причем всегда велся учет даже металлического лома. В одном из дел, которое происходило с территории Левобережной Украины (она до 1830-х гг. оставалась «на малороссийском праве» в решении гражданских дел, поэтому там чаще всего использовались нормы Литовского статута 1588 г.), есть наставление представителям Хорольского уездного суда и дворянской опеки со ссылкой на ЛС как произвести опись: нужно в присутствии двух посторонних свидетелей описать все имущество, указав также все «в золоте серебре цене меди дорогих камнях жемчуг в столовых приборах в платье холсте и прочем» [5, л. 8]. Например, в описи приданого Варвары Максимович, которую она предоставляла в иске на наследство отца, бунчукового товарища (представитель высокопоставленной казаческой старшины в Гетманщине) Федора Левенца, среди прочего числились серебрянная и «вызолоченная» посуда, драгоценности – «жемчуг 9 низок, перстень алмазной, перстеник с яхонтом и алмазиками, 2 кольца золотые, серги алмазне» [2, л. 55].

Определенным «исключением» из традиционной подборки ценного имущества «среднестатистического» дворянина оказалась опись имущества умершего капитана Максимова, передававшегося опекунам его детей. Точных сведений о личности Максимова получить не удалось, из дела известно лишь, что жена его второй раз вышла замуж за представителя влиятельной семьи польского происхождения Гжицких, одна из ветвей которых имела владения в Херсонской губернии. Максимов был капитаном артиллерии. Как указывалось выше, офицеры составили значительную часть дворян Южной Украины. Опись его имущества (286 позиций) интересна, поскольку представляет собой перечень вещей, указывающих на профессиональную принадлежность владельца, его увлечения, уровень образованности. Такими предметами являются, например, инструменты офицера-артиллериста («лофциркуль», «рес федер», циркули и карандаши) [4, л. 7], «планы на земли и строения и чертежи на разные машины *пятьдесят восемь*» (*выделено нами – О.П.*)! [4, л. 8 об.] Еще одна необычная составляющая списка – «скрипка хорошей работы старая», «смичок сандаальной с винтом слоновой кости» [4, л. 7].

В различных категориях описанного имущества «присутствуют» дети. Среди указанной одежды – определенное количество детской. Очевидно, потому, что сын Максимова – мальчик 11 лет находился на обучении, большинство перечисленных вещей принадлежало 14-летней дочери: «солоп беличьего меха» (*салон – вид верхней одежды типа плаща с прорезями для рук – прим авт.*), шляпа меховая, «сюртучок детский», «детская постель с периною», «юпка детская» [4, лл. 7–8 об.].

Еще более отчетливо говорит о хозяине и его семье список книг из 47 позиций. Это неплохой показатель для частной библиотеки офицера среднего ранга конца XVIII в. Судебными чиновниками они зафиксированы некорректно: либо даны первые слова названия, либо указан только автор, либо общее название «Грамматика русская..., французская» без авторства. Однако большинство названий удалось уточнить и восстановить. Анализ списка позволяет сделать вывод о рациональном подходе хозяина к формированию собрания. В процентном соотношении книги можно разделить таким образом: наибольшая группа – 34% – книги для изучения иностранных языков или на иностранных языках; по 15% – детская литература и книги профессионального направления по артиллерийскому делу; остальные 36% – условно «популярное» в образованных кругах чтение: французские романы, историко-географические описания, религиозно-эзотерическая литература [14, с. 135–138].

Кроме документальных источников, которые представляют собой судебные дела, можно встретить и неожиданные. Исключительной стала подборка документов первого предводителя дворянства Екатеринославской губернии Константина Николаевича Лалоша, который судился по поводу наследства своей умершей жены Марфы Ивановны (Остроградской по первому мужу) с ее сыном от первого брака. И род Остроградских был разветвленным и влиятельным, и сама Марфа Ивановна происходила из семьи писаря Генерального суда Ивана Пиковца, человека тоже небедного. Лалош хотел вернуть деньги, потраченные им на личные нужды покойной жены. В качестве доказательств он предоставлял реестр трат, а также несколько копий писем Марфы Ивановны к нему, которыми подтверждал свои претензии.

Как отметила известный украинский исследователь эпистолярных источников С. В. Абросимова, частная переписка как важная форма коммуникации «обслуживает» всю повседневную жизнь человека за границами его официальных отношений» [1, с. 116]. Не смотря на то, что в данном случае переписка велась между мужем и женой, ее характер можно определить, скорее, как деловой. «Личными» и интимными оставались только обращения: «Душечко, сердечко Константин Николаевич»; упоминания о сыне, когда мать просила «поцеловать нашего любезного сыночка Николашечку» [6, лл. 17, 17 об, 39]. В остальном – это описание поездки, мытарств по судебным инстанциям, хозяйственные распоряжения. В письмах присутствуют обращения к адресату, дата, место написания, подпись.

В последней четверти XVIII в. вслед за деловой перепиской, в частной также утверждается новый литературный русский язык [8, с. 120]. Все же письма М. И. Лалош отчетливо демонстрируют ее происхождение из семьи левобережной казацкой старшины. Украинская «принадлежность» прослеживается в использовании отдельных слов, словоизменении, фонетике. Например, вместо «пробыла» – «пробула», «как бы то ни було»; «чуть *що* жив»; «серденько». Ис-

следователи эпистолярный этого периода указывают на их близость к разговорной речи, что проявляется, например, в использовании фразеологизмов. В одном из писем, Марфа Ивановна, жалующаяся на недоброжелателей, с которыми имела судебные земельные конфликты, пишет о них: «не перестают меня щипать» [6, л. 39 об.]. В другом просит указать, где находится Лалош с сыном – «туда и полечу» [6, л. 17 об.].

Не перестает удивлять хозяйственная активность этой женщины. Например, в одном из писем описана ее поездка в Киев: по пути заехала к дочери, неделю пробыла у матери графа Безбородко (получила письмо-рекомендацию для своего старшего сына); нашла учителя младшему сыну; побывала в присутственных местах для решения своих судебных тяжб; разузнала о возможности взять под залог имения займ в банке [6, лл. 39 – 40]. Да и реестр, составленный мужем после ее смерти, где он указывает свои траты на ее личные нужды, невольно демонстрирует женщину, у которой хорошо налажено хозяйство, регулярно бывавшей на ярмарках в Харькове, Ромнах, «выписывавшей» иностранных мастеров для имения и т. д. Такая «повседневность» женщин-дворянок региона не редкость.

Конечно, судебная документация имеет значительную специфику и определенные сложности в работе [10, с. 398, 408], но возможности ее использования в изучении различных исторических направлений еще только открываются.

1. Абросимова, С. В. Приватне листування катеринославського дворянства XIX століття: (До питання джерелознавчого дослідження епістолярних пам'яток) / С. В. Абросимова // Південна Україна. Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ. – Запоріжжя, 1999. – Вип. 4(5). – С. 115–124.
2. Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). – Ф. 375. Екатеринославский верхний земский суд. Оп. 2. Д. 29.
3. ГАДО. – Ф. 375. Оп. 2. Д. 36.
4. ГАДО. – Ф. 375. Оп. 2. Д. 46.
5. ГАДО. – Ф. 375. Оп. 2. Д. 48.
6. ГАДО. – Ф. 467. Екатеринославский совестный суд. Оп. 1. Д. 13.
7. ГАДО. – Ф. 467. Оп. 1. Д. 30.
8. Денисюк, В. В. Приватний епістолярій XVIII ст.: комунікативно-прагматичний статус фразеологізмів / В. В. Денисюк // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки. – 2017. – Випуск 44. – С. 116–120.
9. Ильясова, А. В. Реалии и перспективы истории повседневности в российской историографии / А. В. Ильясова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Історія». – 2011. – № 982. Спецвипуск. – С. 30–38.
10. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 1998. – 702 с.
11. Каюк, Д. Г. Формування катеринославського та херсонського дворянства в 60-ті рр. XVIII – на початку XIX ст.: автореф. дис... кандидата істор. наук / Д. Г. Каюк. – Дніпропетровськ, 2002. – 16 с.
12. Коляструк, О. А. Предмет історії повсякденності: історіографічний огляд його становлення у зарубіжній та вітчизняній історичній науці / О. А. Коляструк // Український історичний журнал. – 2007. – № 1. – С. 174–184.
13. Кром, М. М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) / М. М. Кром // История повседневности: сб. научн. работ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/28386927-M-m-krom-povsednevnost-kak-predmet-istoricheskogo-issledovaniya-vmesto-predisloviya.html>. Дата доступа 20.01.2019.
14. Посулько, О. Судова документація як джерело до історії приватних книжкових зібрань Південної України останньої чверті XVIII ст. / О. Посулько [Електронний ресурс] // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Історія». – 2017. – № 53. – С. 133–142. Режим доступа: <https://periodicals.karazin.ua/history/article/view/12092>. Дата доступа: 22.01.2019.